

В.А. МАУ

Конституционно-правовые преобразования и экономические реформы

Проведение глубоких общественных реформ накладывает свой отпечаток на характер и тенденции развития конституционного процесса. Реформами проверяется прочность конституционно-правового режима страны. История последних десятилетий позволяет выделить несколько характерных типов преобразований, различающихся по степени радикальности осуществляемых мер. Их анализ позволяет сделать ряд выводов общетеоретического характера.

Прежде всего, проведение реформ возможно и *при сохранении действующей конституции*. Это может привести к надежным результатам или в случае ограниченности реформ, или при наличии в стране глубоких традиций конституционализма. На сегодняшний день, как мне представляется, лишь часть западных государств может с достаточной уверенностью рассчитывать на то, что их конституционный строй выдержит испытание временем или обстоятельствами, и в обозримом периоде все ответы на вызовы времени не потребуют сколько-нибудь радикальных конституционных реформ. К таким странам можно отнести Великобританию и США, прошедших через Великую депрессию без заметных политических потрясений и конституционных кризисов, а также Германию начала 1990-х годов, выдержавшую испытание воссоединением.

Особым случаем в рамках этого примера является возвращение действенности существующей конституционно-правовой системе. Это происходит в тех ситуациях, когда в недемократической стране формально действует конституция, отвечающая современным стандартам демократического общества. Естественно, что в такой ситуации осуществляющие реформы политические силы склонны пойти по пути "актуализации" правовой системы, превращения ее из формальности в реальность¹. Подобные попытки предпринимались, в частности, в таких посткоммунистических странах, как СССР, Югославия, Чехословакия. Практика свидетельствует, однако, что этот путь преобразований не дает устойчивого положительного эффекта, а в федеративных государствах ускоряет их крах.

Кроме того, возможно *осуществление экономико-политических преобразований, основанных на восстановлении действия старой* (иногда отстоящей от настоящего момента на десятилетия) *конституции*. До недавнего времени это было характерно лишь для подверженных военным переворотам государств "третьего мира". Периодическое возвращение к конституционному правлению сопровождалось там или восстановлением действия конституции, или возвращением к гражданской конституции от конституции, навязанной военными. Однако после падения коммунизма возврат к

¹ "Некоторые недемократические конституции могут нести в себе подробно разработанные правила принятия решений, процедуры и права, которые, однако, не имеют никакого влияния на функционирование недемократического режима, конституция которого является фиктивной. Однако в условиях подлинных выборов эти конституции могут начать реально действовать" [1].

старым конституциям и законам стал характерным явлением для ряда государств Центральной и Восточной Европы, включая страны Балтии. Причем здесь происходило восстановление конституций, не действовавших на протяжении полувека, что является уникальным феноменом. Такое развитие событий призвано продемонстрировать отказ от навязанного извне режима, и в этом отношении посткоммунистическое восстановление конституционного строя существенно отличается от имеющегося опыта преодоления режимов, установленных в результате военных переворотов².

Восстановление старого (докоммунистического) конституционного порядка может рассматриваться, по крайней мере теоретически, и как вариант формирования современной правовой системы России. Этот вопрос не стал предметом широкого обсуждения и относится, скорее, к разряду экзотических. Однако ряд общественных и политических деятелей поставили в середине 90-х годов вопрос не только о возможности, но и о необходимости возвращения к конституционно-правовой системе начала XX столетия (точнее, к режиму, сформировавшемуся в 1906-1913-х годах и получившему отражение в "Основных законах Российской Империи"). Они видели в этом единственный путь к восстановлению легитимности всей политической системы современной России [3]³. Разумеется, здесь не предполагается немедленное восстановление *de facto* старого российского законодательства в полном объеме. Речь идет о восстановлении этой правовой системы *de jure* с объявлением длительного переходного периода для последующей постепенной адаптации старой системы к современным условиям. Акцент делается не на преимуществе старого правового механизма, а на необходимости обеспечить максимальную легитимность посткоммунистического права. Как подчеркивалось участниками конференции по проблемам правопреемства, "только обращение к ценностям и нормам исторической России, восстановление прерванного революцией государственно-правового преемства положит надежный предел возрождению тоталитарной диктатуры, следствием которой стали бы распад страны, ужасающее обнищание народа, гонения на веру и попрание исконных прав личности" [3, с. 70].

И еще один возможный вариант развития событий: проведение конституционной реформы и принятие новой конституции в результате *преодоления глубокого экономического и политического кризиса*. Выход из него нередко связан с силовыми методами или с методами, близкими к таковым. К первым можно отнести опыт Турции и Чили 1970-1980-х годов. Ко вторым - формирование режима Пятой Республики во Франции. Здесь уже приходится иметь дело с масштабом преобразований, не укладывающимся в существующие или традиционные для данной страны правовые рамки.

Особый случай формирования нового конституционного порядка - заимствование обретающей независимость колониальной или полуколониальной страной конституционно-правовой системы метрополии или другого развитого государства, служащего для нее образцом. По такому пути пошли те государства Африки и Азии, которые в XX столетии строили свои государственные системы формально по образцам Великобритании и Франции, а также большинство латиноамериканских государств, опиравшихся на опыт США. Использование такого подхода (во всяком случае по конкретным направлениям политических и экономических реформ) не исключается и по отношению к странам, выходящим из коммунизма. Это нашло отражение, в частности, в том, что на рубеже 1980-1990-х годов Организация экономического сотрудничества и развития разработала комплекс типовых нормативных актов, которые могли бы быть использованы при формировании посткоммунистической правовой системы, а российское Министерство иностранных дел даже перевело эти материалы на русский язык.

² Об общем и особенном в опыте восстановления конституционной системы после коммунизма и после военной диктатуры [2].

³ Важно также подчеркнуть, что эти идеи развиваются не русскими националистами, но представителями отечественной либеральной интеллигенции, активно поддерживающими режим рыночной демократии и «озабоченным» тем, чтобы этому режиму была придана адекватная идеологическая и правовая база.

Наконец, конституционные изменения могут сопровождать *радикальную ломку существующих экономических, политических и социальных институтов*. В данном случае уже нельзя говорить просто о реформе, поскольку разворачивающиеся процессы имеют явно революционный характер. Здесь прежде всего имеется в виду Россия - как современная, так и 1917-1929-х годов. Причем хочу подчеркнуть, что и в таких обстоятельствах новая конституция не является абсолютно неизменной. Она с высокой степенью вероятности оказывается неустойчивой и изначально заключает в себе возможность (и опасность) болезненных корректировок и пересмотров. Более того, сам характер событий, их радикальность и связанная с этим подвижность всех социально-экономических структур и соответствующих групп интересов обуславливают вторичность конституционных рамок, зависимость политических процессов и реальных правовых норм от баланса политических сил, предопределяемого в конечном счете балансом реальных групп интересов.

Все это дает основу для выделения двух принципиально различных ситуаций, характеризующих соотношение социально-экономических и конституционных реформ. Первая: происходят краткосрочные изменения, осуществляемые режимами переходного типа и сохраняющие социально-экономическую природу данного государства. По существу, это перевороты, не выходящие за рамки замены одной правящей группировки на другую. В этом случае обычно происходит временная отмена конституции с вероятным ее восстановлением в дальнейшем. Формально говоря, под этот критерий подходят два столь противоречивых опыта, как восстановление конституций после внутреннего переворота (типично для Африки и Латинской Америки) и после длившейся десятилетия внешней оккупации. В результате возможно как восстановление старой, действовавшей до переворота, конституции, так и принятие новой (которая, впрочем, редко радикально отличается от старой).

Вторая: осуществляются глубокие изменения социально-экономического характера, требующие соответствующего конституционного оформления. Здесь также возможны различные варианты - от необходимости осуществления комплекса болезненных реформ (Чили 1970-1980-х годов, Франция рубежа 1950-1960-х, Германия и Япония конца 1940-х) до радикализма революционных перемен, который также может быть совершенно различным (включая и Кубинскую революцию 1959-1961-х годов, и посткоммунистическую революцию в современной России). Разумеется, перечисленные события качественно различны. В одном случае глубокие преобразования осуществляются в рамках одной и той же системы социально-экономических отношений (частной собственности и рыночной экономики в том или ином ее виде), в другом происходит замена глубинных основ существующего порядка (отказ от частной собственности или возвращение к ней). Однако очевидно и то общее, что объединяет все собранные в данном пункте примеры: всюду стояла задача преодоления собственных, органически присущих той или иной стране противоречий и тупиков. Здесь ничего не было навязано извне, а начавшийся кризис был порожден особенностями и логикой предшествующего развития. Тем самым определялась и необходимость формирования политико-правовой модели, не имеющей реальных прецедентов в собственном историческом прошлом.

Не менее характерный пример дает сравнение режимов двух генералов - А. Пиночета и Зия-уль-Хака. Оба пришли к власти под лозунгами выхода из экономического и политического кризиса. Однако в Чили через несколько лет начались глубокие структурные реформы, а Пакистан, пройдя через террор военного режима, не смог осуществить необходимые стабилизирующие преобразования. Аналогично Чили развивались события в Турции и Таиланде, схоже - в Испании и Португалии. Первоначальная направленность всех этих изменений была различной, но результаты в общем схожими - как в политическом (конституционном) отношении, так и в отношении экономическом [4].

Думаю, что Россия 1980-1990-х годов относится к этому типу преобразований. Разумеется, посткоммунистические преобразования в России являются гораздо более

глубокими, чем в большинстве из перечисленных стран, поскольку в данном случае речь идет о революции⁴. Однако этот факт нуждается в специальном анализе в связи с оценкой возможностей конституционных (и вообще правовых) механизмов, и особенно в сравнении их с имеющимся опытом других стран.

Еще одним моментом принципиальной важности является вывод о существенно различном характере событий в России, с одной стороны, и в посткоммунистических странах Восточной Европы - с другой. Все они имеют общее коммунистическое прошлое, а также во многом схожий комплекс экономических проблем. Однако более глубокий сравнительный анализ приводит к выводу о качественном различии ситуации в России и в бывших ее сателлитах. В то же время очень многое связывает логику развития посткоммунистической России с рядом вроде бы не похожих на нее стран мира, которые в свое время проходили через системный кризис.

Особенности конституционно-правовых реформ в посткоммунистических странах

В дискуссиях 1990-х годов о соотношении конституционно-правовых и экономических реформ в посткоммунистических странах в центре внимания оказались две проблемы, естественным образом отражающие суть обсуждаемой темы. Во-первых, о роли конституции при движении от коммунизма к рыночной демократии. Во-вторых, о роли государственной власти в проведении посткоммунистических реформ.

Прежде всего, вставал вопрос о характере государственного вмешательства в экономические процессы. Речь идет о том, должна ли конституция задавать общие рамки такого вмешательства и, по существу, играть роль тормоза, предотвращающего избыточный интервенционизм власти. Подобного рода утверждение естественным образом вытекало из всего опыта функционирования коммунистической системы. Тотальное огосударствление всех сторон жизни общества - принципиальная характеристика советского коммунизма, источник его силы и слабости. Кризис коммунизма в конечном счете стал результатом этого огосударствления и неспособности системы адаптироваться к новым вызовам времени, когда постиндустриальные тенденции развития общества привели к ренессансу либерализма и индивидуализма. Традиции этатизма были все-таки слишком сильны в посткоммунистических государствах (особенно в странах бывшего СССР). Это ставило задачу их сознательного ограничения.

Однако последовательное рассуждение в данном направлении приводило к логической ловушке. Ни у кого не вызывало сомнения, что посткоммунистические экономические реформы неизбежно будут болезненными в социальном отношении и потому непопулярными. Значит их проведение потребует достаточной жесткости и силы государства, прямого вмешательства властей в хозяйственные процессы. Но как это совместить с идеологией либерализма?

Отсюда вытекал и второй вопрос: насколько необходима стабильная конституция для осуществления посткоммунистических преобразований? Попытки выйти из отмеченного выше логического противоречия привели к выводу, что, возможно, было бы целесообразно разграничить этапы преобразований не только с чисто экономической, но и с конституционно-правовой точек зрения. То есть на период перехода к рыночной демократии и осуществления болезненных реформ иметь особый конституционный закон, хотя и не вполне соответствующий современным критериям демократии, но предоставляющий правительству возможность осуществить необходимый комплекс мероприятий в социально-экономической сфере.

Способы решения этой задачи могут быть различны - от сохранения при некоторой модификации действующей (коммунистической) конституции до принятия специального переходного Основного закона. Общая цель развития стран - движение к либеральной конституции западного типа - при этом не отрицается, но для достижения ее предлагается использовать особые механизмы и институты. Один из способов решения

⁴Обоснование революционного характера посткоммунистической трансформации России см. [5].

этих проблем - формирование сильной президентской власти, плохо корреспондирующей с современным западноевропейским опытом. В такой ситуации предполагается, что общая либерализация экономической и политической жизни будет идти одновременно с укреплением позиций исполнительной власти. Теоретически усиление исполнительной власти не тождественно усилению государственного вмешательства в экономическую жизнь. И практика осуществления посткоммунистических реформ показала, что, действительно, сильная исполнительная власть может достаточно эффективно решать задачи либерализации общественной (в том числе и хозяйственной) жизни⁵. Хотя однозначных решений здесь все-таки не существует.

Аргументы как "за", так и "против" обоих подходов достаточно очевидны. Понятны как необходимость непопулярных мер, так и крайняя сомнительность их принятия и последовательной реализации через парламентские процедуры. Одновременно никто не гарантировал того, что переходный (по сути авторитарный) режим на самом деле использует свою власть для проведения необходимых реформ, а не для новых популистских экспериментов. (Немало примеров последнего давал опыт большинства стран Латинской Америки 70-80-х годов.)

Таким образом, в литературе сформировались две точки зрения на роль конституционно-правовых реформ в посткоммунистических экономических реформах: *позитивный конституционализм* и *негативный конституционализм*, причем последний занимал доминирующие позиции [7, p. 55, 56]. Сторонники позитивного конституционализма утверждали, что в благородном стремлении защитить общество от хороню известной ему по недавнему прошлому тирании государства существует опасность лишить реформаторов необходимых им властных ресурсов в самый острый момент посткоммунистического перехода, что помешает и созданию новой институциональной структуры общества, нужной для дальнейшего его развития [8, 9]. В ответ раздавались не менее убедительные рассуждения, что сам успех посткоммунистической экономики требует установления прозрачных, понятных и стабильных правил игры, без чего будут невозможны инвестиции, а тем самым экономическая стабильность и рост⁶. Впрочем, большинство подобных рассуждений основывалось на опыте прошлого, иногда весьма далекого.

По прошествии ряда лет и накопления практического опыта посткоммунистической трансформации стали возможны предварительные попытки количественной верификации тех или иных выводов относительно роли конституций в экономических реформах стран Центральной и Восточной Европы, а также бывшего СССР. Проведенный рядом исследователей анализ развития почти трех десятков посткоммунистических стран на протяжении последнего десятилетия позволил сделать два основных вывода.

Во-первых, *о важности принятия новой конституции*. Как показывает Дж. Хеллман, задержка с принятием новой конституции не оказывает сильного и тем более решающего влияния на экономическое развитие рассматриваемых стран. Одновременно посткоммунистические конституции, при прочих равных условиях, не являются и препятствием на пути ускоренного продвижения к рыночной экономике. Вместе с тем принятие новой конституции, формально и последовательно порывающей с традициями коммунистического права, оказывает определенный позитивный эффект на ход экономических преобразований, хотя и не является доминирующим фактором этого процесса [7, p. 68, 69].

Во-вторых, выявились полярные точки зрения *о роли сильной президентской власти для проведения посткоммунистических экономических реформ*. В работах С. Холмса показывается, что успешные экономические реформы предполагают наличие сильной президентской власти [8, 9]. Напротив, количественный анализ, предпри-

⁵ Аналогичным образом развивались события и в некоторых странах "третьего мира", вставших на путь демократических реформ [6].

⁶ Эти взгляды традиционно разделяет большинство исследователей (см., например, [10-12]).

нятый Хеллманом, подводит к выводу об обратной зависимости между сильной президентской властью и успешностью осуществления экономических реформ. Правда, при уточнении и конкретизации последнего утверждения выясняется, что негативный эффект сильной президентской власти проявляется преимущественно там, где эта власть не была трансформирована принятием новой посткоммунистической конституции. Тем самым получает дополнительное подтверждение и тезис о благоприятном влиянии новой конституции на экономические процессы [7, р. 70, 71].

Изложенное позволяет сделать один обобщающий вывод. Хотя принятие новой конституции не является решающим фактором успешного осуществления экономических реформ в направлении рыночной демократии, новая конституция играет определенную положительную роль в экономике и потому пренебрегать этим фактором не следует. Откладывание ее принятия не приведет к экономической катастрофе, но может лишить экономические реформы одного из факторов их развития.

Впрочем, все эти выводы имеют преимущественно формальное значение, отражая усредненный результат изучения опыта почти 30 различных государств. Конкретные страны имеют, естественно, свои специфические черты. В частности, конституционная реформа в России сыграла несравненно большую роль в экономическом развитии, чем это можно увидеть при обращении к усредненному опыту посткоммунистических стран. Это, по моему мнению, непосредственно связано с революционным характером российской трансформации, происходящей при отсутствии общественного консенсуса по базовым проблемам развития страны

Конституционные проблемы в условиях революции

Революция как определенный способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется набором признаков, среди которых главными являются следующие. Во-первых, *системный характер преобразований, их глубина и радикальность*. Революционные преобразования всегда связаны с глубокими изменениями в отношениях собственности, не говоря уже о серьезном обновлении социально-политической структуры общества. Однако не всякие системные изменения, имевшие место в истории отдельных стран, могут рассматриваться как революции. Сильное правительство способно осуществлять глубокие, радикальные преобразования, имеющие в перспективе несомненно революционные последствия, но остающиеся по сути своей реформой (иногда говорят "революция сверху"). Примерами здесь являются "реставрация Мейдзи" в Японии и реформы О. Бисмарка в Германии. Радикальные, системные изменения могут происходить и в результате поражений в войнах и иностранной оккупации (как это было, скажем, в Пруссии после наполеоновских войн или в Японии и Германии после Второй мировой войны).

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена *внутренними кризисными процессами* в той или иной стране. Она не может быть навязана извне. Это предопределяет наличие соответствующей политической и идеологической среды революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). Поэтому национально-освободительные движения, как правило, не приводят к революциям - в них всегда имеется идейно-политический стержень, служащий важнейшим фактором объединения разрозненных сил нации. Хотя сказанное не отменяет и того, что задачи национального освобождения могут также решаться в рамках отдельных революций.

В-третьих, в ходе революции *обостряется проблема слабого государства*. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной консолидировать общество для осуществления системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет резкое усиление в революционной среде стихийности осуществления социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации - с другой.

Последний фактор критически важен. Именно кризис и следующий за ним распад государственной власти делают практически неизбежной трансформацию общества по революционному (а не реформистскому) типу. Радикализм революционной ломки набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается неспособной контролировать развитие событий и направлять их⁷. Причем можно выделить две основные причины, обуславливающие резкое ослабление государства накануне и в ходе революции.

Одна причина - *глубокий финансовый кризис*. Он возникает, когда власть по тем или иным причинам лишается традиционных источников поступлений в бюджет или(и) происходит резкое расширение расходов бюджета. Первое может быть связано с изменениями социального характера, доходы начинают концентрироваться в новых секторах экономики, а налоговая система оказывается неспособной адаптироваться к меняющимся условиям. Второе происходит при усилении внешних и внутренних факторов давления на существующий режим, при значительном увеличении расходов, являющихся в данную эпоху необходимыми атрибутами сильного государства. (Скажем, таким фактором выступает резкое возрастание стоимости военных расходов - или в форме "удорожания войны", характерной для Европы XVII столетия, или в форме качественно нового витка гонки вооружений 1970-1980-х годов.)

Другая причина ослабления государства - *фрагментация социальной структуры предреволюционного общества*. В результате власть оказывается неспособной формировать и поддерживать устойчивые коалиции социальных сил в поддержку своего курса - прежде всего курса, нацеленного на преодоление финансового кризиса (причем в данном случае не важно - реформистского или реакционного). Под воздействием новых экономических процессов (будь то начало экономического роста и первые шаги индустриализации либо резкое увеличение доступных финансовых ресурсов под воздействием внешнеэкономических факторов) в предреволюционных обществах происходит заметное усложнение социальной структуры, когда возникает размежевание внутри традиционных классов и групп интересов, а на традиционную структуру общества накладываются новые социальные явления и процессы.

Здесь нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе, но исторический анализ показывает, что превращение общества в "лоскутное одеяло" характерно для предреволюционной ситуации в любой стране. В результате государственная власть теряет ориентиры и опорные точки своей политики. То, что еще недавно приводило к укреплению режима, теперь ослабляет его. Любая попытка реформ и преобразований еще более усиливает недовольство большей части общества существующим режимом, поскольку в условиях фрагментации коалиция "против" обычно оказывается больше коалиции "за". Постепенно, но неуклонно разрушается консенсус относительно базовых ценностей и принципов развития данной страны. Теряя социальную опору, власть начинает метаться, еще больше подрывая свой авторитет.

Словом, ослабление власти связано с отсутствием консенсуса по базовым проблемам, ценностям, целям функционирования данного общества. Отсутствие консенсуса как раз и означает, что общество распадается на множество противоборствующих и одновременно пересекающихся группировок (социальных, территориальных, этнических), каждая со своими политическими и экономическими интересами. Причем никакое правительство не способно предложить политический курс, который обеспечивал бы консолидацию сколько-нибудь значимого большинства. В наиболее обобщающем виде кризис государственной власти находит проявление в кризисе конституционного строя. Причем здесь надо сделать два уточнения.

Во-первых, само понятие конституционной системы *должно трактоваться расши-*

⁷ К любой великой революции применима данная Ф. Фюре характеристика Франции конца XVIII столетия: "Революционная волна 1789-1794-х годов, хотя и была поднята и направлена группами, впоследствии пришедшими к власти - вначале шедшими с этой волной, - на самом деле не контролировалась никем, так как включала в себя слишком много противоположных целей и интересов" [13].

рительно. Конституционная система - не просто Основной закон как таковой. Разумеется, он важен. Но еще важнее существующее в обществе понимание если не справедливости, то по крайней мере predeterminedности, легитимности установленного порядка вещей, прежде всего организации власти и воспроизводства отношений собственности. То есть речь не должна сводиться к писаной конституции как таковой. Конституции может даже не быть, примером чего является Великобритания. И тем не менее именно конституционный вопрос стоял в центре двух английских революций XVII века и в ходе последующих политических реформ⁸.

Кризис конституционного строя и борьба за новый строй по-разному проявляются в разных революциях. Это может быть борьба под лозунгами традиционной системы ценностей, как было в Англии середины XVII века. Это может быть борьба за "идеальный" (освященный разумом) порядок организации политической власти, примером чему стала Франция конца XVIII столетия⁹. Словом, формы здесь могут быть различны, но суть процессов остается схожей - речь идет о поиске новой легитимности режима, который был бы признан или мог бы быть навязан силой.

Во-вторых, совершенно особым является вопрос о *формировании и развитии конституционной системы непосредственно в годы революции*. Именно здесь тезис о слабости государства оказывается ключевым для понимания происходящих событий. Она проявляется в целом ряде особенностей развития революционного общества - особенностей, достаточно типичных для любых революций, в какую бы эпоху они не совершались. Среди наиболее универсальных проявлений слабости государственной власти можно выделить следующие:

- постоянные колебания экономического курса, так как революционная власть находится под давлением с различных сторон, и, чтобы выжить, ей нужно беспрестанно маневрировать между разными силами и группами интересов;

- возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе; предельный, хотя и не единственный тип конкуренции центров власти - гражданская война;

- отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре

после начала революции оказываются разрушенными, а новые только предстоит создать. В результате функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные, стихийно возникающие организации и институты;

- соответственно, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся "правил игры". Процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными, принятые решения далеко не всегда исполняются, а когда исполняются, трактуются весьма субъективно.

Общая черта революций с точки зрения конституционно-правового процесса - *резкое усиление роли социально-политической борьбы и ее уязвимости от баланса социальных сил*, который, в свою очередь, постоянно меняется. "В этих условиях борьба за заполнение тех или иных пробелов в конституции становится особенно острой, поскольку выражает столкновение различных социальных сил, выступающих за прогресс или регресс демократических преобразований" [16]. На эту же черту конституции обращали внимание многие революционеры, причем в некоторых случаях выводя такую трактовку за рамки собственно революции и применяя ее ко всей эпохе

⁸ Это положение хорошо характеризуется следующими словами историка: "Англичане семнадцатого века обычно воспринимали конституцию и политическую жизнь сквозь призму закона и истории... Конституция виделась как естественное развитие, уходящее в доисторические времена и освященное мудростью бесчисленных поколений" [14].

⁹ Кстати, историками отмечается любопытный факт. Война между революционной Францией и Англией в 1792 году велась с обеих сторон под лозунгом защиты британской конституции. Британия считала, что борется за сохранение освященного веками политического порядка и незыблемость собственности, на которую покушается французская революция. Революционные же лидеры Франции утверждали, что ведут войну за "истинную британскую конституцию", описанную в работах Монтескье и основанную на ценностях демократии и свободы [15].

"революционной борьбы трудящихся". Наиболее ярким примером такого подхода служит знаменитая речь Ф. Лассалья "О сущности конституции", в которой за действительную конституцию страны выдается "существующее в стране фактическое соотношение сил", тогда как писаная конституция именуется не иначе, как "листом бумаги" [17]. Эти позиции, естественно, разделяли В. Ленин и его сторонники¹⁰. Ранее схожие соображения высказывал и М. Робеспьер. Разумеется, подобная оценка ситуации характерна лишь для периода острой социально-политической и экономической нестабильности, каковым и является революция.

Опыт революций прошлого также позволяет утверждать, что на разных фазах революции по-разному дают о себе знать конституционные проблемы, проблемы организации государственной власти". Вначале, когда у власти находится "раннее революционное правительство" (умеренные), в обществе и во власти господствует представление о возможности и даже неизбежности быстрого утверждения нового общественного порядка, основанного на разумных и общепризнанных принципах (почерпнутых из истории или теории). Затем, на радикальной фазе, когда в центре внимания стоит удержание власти и недопущение победы контрреволюции, реальная правовая база уступает место политической целесообразности, а последняя, по существу, сводится к поиску баланса прореволюционных сил, который не может быть устойчивым¹². Наконец, на завершающей фазе революции ("термидор") происходит выстраивание нового правового порядка, который всегда характеризуется доминированием авторитарных тенденций и в большинстве случаев - сменой конституции.

Посмотрим теперь, как перечисленные особенности революционного развития общества применимы к современной России. Глубокий, системный характер российских преобразований не подвергается сомнению. Возникает необходимость решения сложного комплекса задач, которые редко переплетаются в одной стране в одно и то же время. В ходе социально-экономической трансформации 1980-1990-х годов практически одновременно приходилось осуществлять коренные изменения в отношениях собственности и проводить соответствующие институциональные преобразования, радикально менять конституционно-политическое устройство страны, трансформировать доставшуюся в наследство от индустриализации структуру народного хозяйства, решать задачи макроэкономической стабилизации.

Известно, что власть в СССР отличалась исключительной стабильностью и силой, способностью навязывать свои интересы как собственному народу, так и многим зарубежным странам. В результате общественное мнение страны было склонно скорее переоценивать возможности своего государства, чем недооценивать их. Кроме того, с конституционно-правовой точки зрения правительство не только в СССР, но и в посткоммунистической России было и остается чрезвычайно мощным, обладая правами, значительно превосходящими полномочия правительств других демократических (и не только демократических) стран.

Сила и жесткость власти в СССР, устойчивость советской политической системы создали видимость ее незыблемости не только среди отечественных обществоведов (что вполне естественно), но и у значительной части западных аналитиков. Возможность радикальных сдвигов, революционных потрясений большинство исследователей

¹⁰ В частности, П. Стучка писал: "Право - это система или порядок общественных отношений, соответствующие интересам господствующего класса и охраняемые организованной силой" [18].

¹¹ Фазы революции рассматриваются здесь в трактовке, содержащейся в работах [19, 20].

¹² На радикальной фазе возникает ситуация, когда баланс социальных сил, иначе называемый "революционная целесообразность", становится главным фактором, детерминирующим революционный политический и конституционный процесс. На языке своего времени это очень точно подметил Робеспьер: "Революция - это война между свободой и ее врагами; конституция - это режим уже достигнутой победы и мира свободы". Поэтому "для того, чтобы создать и упрочить среди нас демократию, чтобы перейти к мирному господству конституционных законов, надо довести до конца войну свободы против тирании...". И наконец, "революция опирается в своих действиях на священнейший закон общественного спасения и на самое беспорочное из всех оснований - необходимость" [21].

связывали со слаборазвитыми или среднеразвитыми странами Азии и Африки, но никак не с Советским Союзом. Именно так оценивал ситуацию и перспективы ее развития, скажем, С. Хантингтон, выделяя СССР и США как страны наиболее устойчивого, наиболее стабильного типа [22]. Это стало своеобразной методологической традицией, которая в дальнейшем воспроизводилась вплоть до 1989 года.

Государственная же власть России последнего десятилетия оставалась и остается слабой. Поразивший страну затяжной финансовый кризис (прежде всего связанный с падением в первой половине 80-х годов мировых цен на нефть, но не только с ним) существенно сузил поле возможного маневра коммунистических властей. На фоне финансового кризиса дало о себе знать усложнение социальной структуры общества, все более уходящего от традиций индустриализма. Быстро формировались новые группы интересов, возникали противоречия между ними. На естественное для централизованной индустриальной экономики расхождение интересов отдельных отраслей накладывался конфликт между рентабельными и нерентабельными предприятиями, возникавший уже в рамках одной отрасли. Усиливались расхождения интересов между отдельными союзными республиками и регионами. Назревал конфликт между окрепшей региональной и центральной (союзной) политическими элитами. Начались расколы внутри самой номенклатуры как реакция на чрезмерную стабильность кадровой политики 1970-х - начала 1980-х годов, когда движение кадров было практически заморожено. Все это формировало исключительно конфликтную и потенциально малоуправляемую социальную среду.

Дальнейшее развитие продемонстрировало реальное отсутствие консенсуса относительно базовых принципов, направлений развития общества. Ранее всего обнаружился непримиримый характер представлений элит разных союзных республик относительно желательного устройства страны. Балтийские республики стремились к формированию современных рыночных демократий западного типа, к этому же склонялись Россия, Украина и Армения. Среднеазиатские лидеры предпочитали сохранение *status quo*, т.е. некоммунистической системы с более сильным национальным компонентом. Ряд республик не имел достаточно выраженной позиции. Результатом всего этого стал распад СССР и возникновение 15 независимых государств.

Далее с аналогичными проблемами столкнулась Россия, однако противоречия здесь имели не столько территориальный, сколько социальный характер. Это, разумеется, отодвигало опасность дезинтеграции страны, но отнюдь не делало конфликт менее острым. Наиболее отчетливо данные проблемы проявились в ходе экономических реформ, каждый шаг на пути которых наталкивался на противодействие. "Чтобы экономические реформы были успешными, требуется не только хорошо проработанный план, но государство, которое готово и способно этот план осуществить" [7, р. 57]. Здесь сформулирована наиболее существенная проблема, с которой сталкивается правительство, проводящее экономические реформы в условиях революции.

В результате складывается ситуация постоянной борьбы за конституционные ценности. В разные периоды 1990-х годов (и, соответственно, в разные периоды современной российской революции) эта борьба приобретала формы то острого вооруженного противостояния, то затяжных позиционных парламентских боев. Поиск механизмов разрешения социальных конфликтов находил выход и в динамике конституционного творчества. "Для российского конституционализма особенно характерны противоречия, которые присущи процессу модернизации: между правом и необходимостью быстрых социальных изменений; между нововведенными экономическими институтами и необходимостью концентрации власти для обеспечения направленности реформ; наконец, между классическими западноевропейскими конституционными моделями и автохтонными формами политического развития" [16, с. 34]-эти слова как нельзя более точно характеризуют существо борьбы вокруг конституции, присущее не только современной России, но и вообще полномасштабной социальной революции.

И, наконец, последнее замечание. Радикальный (революционный) характер системной трансформации сам по себе еще не означает мгновенной смены одного консти-

туционно-правового режима другим. Даже в великих революциях прошлого, которые принято приводить в качестве классических примеров радикализма, при более внимательном их изучении прослеживается этапность проведения преобразований. Хотя, несомненно, их темпы в условиях революции резко возрастают, как бы компенсируя отставание адаптационных институциональных реформ в условиях старого режима. Поэтому при более близком рассмотрении современной российской трансформации проводившиеся преобразования можно анализировать как эволюционные. Тем более что многие из них действительно запаздывали по сравнению с требованиями устойчивого экономического развития. Революционный же характер этих конституционно-правовых преобразований связан не столько с их радикализмом, сколько с их зависимостью от реального баланса социально-политических сил в стране. Ведь именно в слабости государственной власти и ее зависимости от баланса социально-политических сил в конечном счете и состоит особенность революционной трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Linz J.J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore-London, 1996. P. 82.
2. *Dick Howard A.E.* Constitution Making in Eastern Europe. Washington, 1993.
3. *Зубов А.Б.* Обращение к русскому национальному правопорядку как нравственная и политическая цель. М., 1997.
4. *Haggard S., Kaufman R.R.* The Political Economy of Democratic Transition. Princeton, 1995.
5. *Май В.* Стародубровская II. Революция и экономический кризис: опыт социально-экономического прогнозирования // Экономические реформы. Альманах. М., 1992.
6. *Bates R.H., Krueger A.O.* Generalizations Arising from the Country Studies // Political and Economic Interactions in Economic Policy. Cambridge, 1993.
7. *Hellman J.S.* Constitutions and Economic Reform in the Post-Communist Transitions // The Rule of Law and Economic Reform in Russia. Boulder, 1997.
8. *Holmes S.* The Postcommunist Presidency // East European Constitutional Review. 1993. №2/3-4/1.
9. *Holmes S.* Superpresidentialism and Its Problems // East European Constitutional Review. 1994. №2/3-4/1.
10. *Hardin R.* Why a Constitution? // The Federalist Papers and the New Institutionalism. New York, 1989.
11. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
12. *Weingast B.R.* Constitutions as Governance Structures: the Political Foundations of Secure Markets // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1993. Vol. 149. № 1.
13. *Furet F.* Interpreting the French Revolution. Cambridge, 1985. P. 124.
14. *Miller J.* The Glorious Revolution. London-New York, 1983. P. 23, 24.
15. *Martin K.* French Liberal Thought in the Eighteenth Century. London, 1954. P. 193.
16. *Медушевский А.* Пробелы в российской Конституции: механизмы конституционного процесса в условиях модернизации // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования. М., 1998. С. 34.
17. *Лассаль Ф.* О сущности конституции. Ростов-на-Дону, 1905. С. 16, 6.
18. *Стучка П.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 189.
19. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New York, 1965.
20. *Май В., Стародубровская II.* Перестройка как революция: опыт прошлого и попытка прогноза // Коммунист. 1990. № 10.
21. История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 52.
22. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.